

DANUTA SZYMONIK

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach,
Wydział Humanistyczny

**СТАРОСТЬ И МОЛОДОСТЬ
КАК ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ
В РОМАНЕ МИХАИЛА ОСОРГИНА
*СИВЦЕВ ВРАЖЕК***

Old Age and Youth as Parallel Motifs in Mikhail Osorgin's Novel *A Quiet Street (Sivtzev Vrazhek)*

The article deals with two fairy-tale motives – “youth” and “old age” in Mikhail Osorgin's novel *A Quiet Street (Sivtzev Vrazhek, 1928)*. Owing to the author's outlook and artistic strategy they do not stand in the opposition to one another, but rather depict parallel vectors of human life, its presentation the context of space (micro and macro space) as well as in the context of a philosophically meaningful historical time correlated with eternity. The author's aim is supported by the novel's structure – a freely arranged series of short stories. The article exposes the problem of the writer's comprehension of human life within different time and spatial plans. The time layer covers daily, annual and eternal / universal time. The spatial dimension of the artistic world takes into account the Infinite Universe, the solar system, the Earth, Russia, Moscow and the corner house in Sivtzev Vrazhek, which is the main center of the novel structure.

Keywords: Mikhail Osorgin, Quiet Street, Motif, Old Age, Youth

Старость и молодость в бытийном и космическом ракурсах

Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия Ильин) родился в 1878 году в Перми, в семье потомственных столбовых дворян, происходящих в прямой ветви от варяжского князя Рюрика. Фамилию Осоргин взял от бабушки. Закончил Юридический факультет Московского университета. Писать начал в студенческие годы; первым произведением был рассказ *Отец*, опубликованный в 1896 году, под псевдонимом Пермь. Осоргин активно сотрудничал с «Пермскими губернскими ведомостями». Работа в региональной печати сыграла немалую роль в формировании стиля и поэтики

будущего писателя, автора нескольких романов, многих повестей, эссе, фельетонов, очерков и рассказов¹. Одним из лучших произведений является роман-хроника *Сивцев Вражек* (1828). Кроме того Осоргин является автором таких произведений, как: *Там, где был счастлив* (1928), *Чудо на озере* (1931), *Повесть о сестре* (1931), *Свидетель истории* (1932), *Книга о концах* (1935), *Вольный каменщик* (1937), *Повесть о некоей девице* (1938), *Происшествия зелёного мира* (1938), опубликованные посмертно воспоминания *Времена* (1955). Осоргин считался крупным знатоком Италии, где он прожил 10 лет, выучив итальянский язык и создав около четырёхсот очерков, эссе и репортажей, которые публиковал в итальянских «Русских ведомостях». Большую популярность снискала его книга *Очерки современной Италии* (1913). Умер Осоргин в 1942 году, во Франции, в городке Шабри, куда перебрался вместе с женой из занятого фашистскими войсками Парижа.

В советской России писатель – принуждённый эмигрант – оставался долго в забвении. Его имя на родине стало известно лишь в конце 80-х годов, благодаря изданию сборника статей *Записки старого книгоеда* (1989). С началом 90-х годов начали появляться и другие произведения писателя: *Сивцев Вражек*, *Свидетель истории*, *Времена* и т.д.

Главное место в произведениях Осоргина занимает человек и широко понимаемая природа: растительный, звериный миры как важные составляющие Вселенной. Эти компоненты мироздания, представленные в полном единстве и в зависимости друг от друга, являются предметом авторской рефлексии в романе *Сивцев Вражек*.

В данной статье из суммы обобщающих контекстов изображённого мира в романе мы хотим выделить лишь два мотива, а именно – молодость и старость – две, по сути дела противоположные, философские и эстетические категории. Однако, в силу авторского мировоззрения и принятой писателем художественной стратегии, они составляют не оппозицию, а, скорее, параллельное изображение двух векторов жизни, её презентацию в контексте пространства (микрокосмоса и макрокосмоса) и в контексте философски осмысленного, соотнесённого с вечностью исторического времени. Этой цели способствует

¹ О специфике осоргинской художественной речи пишет Владимир Абашев в своей работе. Абашев Владимир: *В крепости чистоты, Заметки о слове Михаила Осоргина*, Текст. Поэтика. Стиль, Екатеринбург 2003.

структура романа – «свободно скомпонованный ряд новелл»², составляющих, как пишет Юлия Ковалёва,

гигантскую мозаику – панораму – картину вселенной, в которой сопряжены вечность и мгновение, судьбы народов и судьбы отдельной человеческой личности, сияние солнца и свет лампы в доме профессора на Сивцевом Вражке, история создания цивилизации и заботы ласточки, строящей гнездо над окном (Ковалёва 2006, 394).

Своеобразное обрамление и основную ось романа образует история отставного профессора орнитологии, Ивана Александровича и его внучки Танюши. Центр художественной структуры – дом на старом московском переулке Сивцев Вражек³, пространство которого расширяется в романе до размеров Вселенной. В категориях необъятного осмысливается в произведении и время. Герои *Сивцева Вражка* живут не только настоящим: личной жизнью и последствиями социальных потрясений, но и осознают вечность и неизменность бытия, символизируемого в романе, между прочим, метаморфозой червяка в куколку, и затем куколки в бабочку, смертью и рождением человека. Писатель говорит, что люди умирают и рождаются неизменно, и что умирающий не откладывает своей смерти до развязки событий, а рождающийся младенец не беспокоится о своём будущем. В отдельной семье рождение или смерть человека важнее глобальных исторических событий.

Собственными интересами, но также высшими духовными ценностями живут обитатели особнячка на Сивцевом Вражке. У каждого из них своё отношение к времени. Жену орнитолога – седую хрупкую старушку, Аглаю Дмитриевну сопровождает прошлое/былое. О прошлом размышляет и профессор-орнитолог. Перед Татьяной – внучкой стариков – будущее. Внимание автора сосредоточено, с одной стороны, на текущих событиях, замкнутых в рамках

² Биографии, Осоргин М. А. <http://www.litra.ru/biography/get/wrid/00959801239098279608>

³ Это название происходит от бурной речушки Сивец или Сивка, который впадал в плывущий вдоль стены Белого города Черторый. Когда приток заключили в трубу Сивец прекратил своё существование. Отсюда от Гоголевского бульвара протянулся самый длинный (859 метров) переулок, получивший название Сивцев Вражек. Переулок несколько раз менял своё название (был Протасьевским, Троицким). На картах начала XIX века он обозначался как: Сивцев переулок, Вражский или Сивцев Вражек (<http://luls.narod.ru/pro/sivcev.htm>)

нескольких лет семейной жизни, отмеченных в романе, созреванием Танюши, старением профессора и его жены, затем смертью Аглаи Дмитриевны, а также военными (первая мировая война) и революционными событиями, распорядившимися судьбами близких и дальних знакомых семьи и вовсе незнакомых ей людей. С другой стороны в романе подчёркнута тесная взаимосвязанность индивидуального «незначительного» с космическим. Часы с кукушкой, заводимые профессором регулярно, в определённое время соотносятся с цикличностью природного и цивилизационно-исторического процесса.

Итак, жизнь человека в романе Осоргина осмысливается в пределах разных временных и пространственных планов. Временной пласт охватывает суточное, годовое и вечное/универсальное время. В свою очередь, пространственное измерение художественного мира объёмлет Беспредельную Вселенную, солнечную систему, Землю, Россию, Москву и угловой дом Сивцева Вражка.

Стоит обратить внимание на то, что образы стариков и приметы старости экспонируются повествователем, как правило, в вечернее и ночное время. Нередко появляющаяся в пожилом возрасте бессонница, которой страдает профессор-орнитолог, способствует продолжительным размышлениям, в основе которых лежит большой житейский опыт, знание жизни, природы и людей. Иван Александрович, думает о красоте орнитологии, об окраске птичьих перьев, о рождении весны и прощании с летом. Он вспоминает своих детей, мысли о которых передаются на языке орнитологии: «вылупились птенчики, три птенца. Оперились, выросли, отлетели» (Осоргин 1990, 38). Своеобразным дополнением этих дум профессора, а также подтверждением установленного природой порядка вещей, является образ жены профессора – Аглаи Дмитриевны: «Спала на кровати, будто детка, калачиком, седая маленькая старушка, жена профессора» (Осоргин 1990, 46).

В рефлексии Ивана Александровича присутствуют также неотделимые от пожилого возраста мысли о предстоящей смерти и том, сколько ещё осталось жить. Проникая в сознание своего героя, автор отмечает, что мысль старика перенесла его в глубь леса, где кукует кукушка. Кукушка прокуковала три раза. Согласно народным поверьям, профессору осталось жить три года. Поскольку героем движет любовь к жизни и ему не хочется умирать, он ищет аргументы для оправдания своих надежд на более долгую жизнь, чем предсказала кукушка. И здесь голоса героя и повествователя, сливаясь в унисон,

выражают спасительную мысль о том, что и медицина и кукушка могут ошибаться.

Иван Александрович не хочет умирать, но вместе с тем он осознаёт факт, что в круговороте жизни его время приближается к концу. Поэтому параллельно с мыслью, указывающей на жажду жизни, появляется и мысль о том, что он может спокойно умереть «как живший, исполнивший, уверенный, уходящий» (Осоргин 1990, 46).

За главой, посвящённой орнитологу, в романе следует глава *Танюша*. Героиня этой главы – полное воплощение молодости. Танюша – сирота, но она опекаема и любима. Информация о сиротстве девушки сопровождается авторской сентенцией: «счастлива та сирота, у которой живы и благополучны дедушка и бабушка» (Осоргин 1990, 46).

В отличие от ситуативного контекста презентации Ивана Александровича, с которым читатель впервые встречается ночью, Танюша первый раз появляется на страницах романа в воскресное утро. Утро – это молодость дня. Воскресенье – праздник, который радует, и, прежде всего, радует молодых и здоровых. Как и в случае с Иваном Александровичем, автор не даёт портретной характеристики своей героине, только обрисовывает ситуацию, чтобы сразу же, проникая в сознание шестнадцатилетней девушки, передать её мысли. Распахнув окно, впитывая в себя утренний запах весны, Танюша думает о другом, чем её дедушка, она думает о настоящем, о том, что день хороший, что воскресенье. Всё это – повод для радостных ощущений.

Несмотря на молодой возраст, Танюша с большим вниманием относится к жизни, культуре и истории народов. Примечательны абзацы, посвящённые лекции, которую слушает героиня, пытаясь осмыслить сказанное профессором:

Профессор с осторожностью, боясь быть слишком крайним, подкапывался под теорию прогресса (...). Уходя в глубь веков, он рисовал красивую картину исчезнувшей культуры Востока, И перед удивлённой Танюшей, пережившей свою шестнадцатую весну, народы Средиземноморского побережья, культуре которых её учили изумляться в гимназии, – лишь изживали или реставрировали обломки культуры древнейшей, созданной народами, ранее их пришедшими в мир. (...). Непрерывность исторического развития пересекалась гибелью культур и завершённостью процессов (Осоргин 1990, 55).

Автор романа не прячется за героями, вместе с ними он пытается постичь законы жизни и определить место человека в круго-

вороте истории: «...и старому и юным одно было ясно: крушение ценностей, хотевших быть абсолютными, шаткость здания сегодняшнего быта, близость грозы, сгустившейся над новым Вавилоном» (Осоргин 1990, 55).

Интерес осоргинской героини к прошлому не лишает её, как уже было сказано, внимания к окружающей жизни. Танюша первая заметила, что прилетели ласточки, о чём она и не забывает уведомить дедушку. Обоих объединяет любовь к жизни и природе. Можно сказать, что и дедушка и внучка реализуют постулат провидицы Ванги. Такая постановка вопроса имеет своё основание в пантеистическом мировоззрении Осоргина, который вводит в свой роман ряд взаимосвязанных друг с другом размышлений универсально-философского характера. Подчёркивая зависимость человеческой, и вообще природной жизни от Солнца и его животворных лучей, автор замечает: «Всё, что делал полип или человек – было делом его, солнца, было его воплощённым лучом. Ум, знание, опыт, вера, как тело, питание, смерть, – были превращением его световой энергии» (Осоргин 1990, 42). Как замечает Андрей Ранчин, дом профессора это микрокосм, подобный по своему строению макрокосму – Вселенной и Солнечной системе. В нём тоже горит своё маленькое солнце – настольная лампа в кабинете старика⁴. В зале, под лампой, в своём кресле сидит по вечерам, с вязанием в руках, Аглая Дмитриевна. Невольно вспоминаешь пушкинскую няню и слова поэта: «И медлят поминутно спицы // В твоих наморщенных руках.» (стихотворение *Няне*)⁵.

Как уже отмечалось, Дом в структуре романа *Сивцев Вражек* это целая Вселенная⁶: «В мировых пространствах, среди туманностей, вихрей, солнц, носится остывшая планета – лампа Аглаи Дмитриевны, Старуха слушает, вяжет, не спуская ни одной петли» (Осоргин 1990, 47).

Гармонию Вселенной оттеняет музыка в исполнении талантливого музыканта и композитора, Эдуарда Львовича, который пытается, с помощью семи основных музыкальных тонов, постигнуть огромное мироздание. Каждый из домочадцев и гостей воспринимает музыку

⁴ <http://www.portal-slovo.ru/philology/43232.php>

⁵ А. Пушкин: *Собрание сочинений в десяти томах*, том второй. *Стихотворения 1825-1836 годов*, Москва «Художественная литература» 1974, с. 85.

⁶ О топосе Дома в романе *Сивцев Вражек* см. статью А. Жлюдиной: *Топос Дома в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»*, в: *Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конференции молодых ученых*. Томск 2009. Вып. 10, т. 2: Литературоведение.

по-своему. Для орнитолога «звуки – как цветы, Музыка – пёстрый луг, леса, водопады». Об иллюзорности мироздания размышляет профессор физики – Поплавский. Но самое главное, в чём старается убедить читателя автор, это то, что профессорский особняк настоящий оазис культуры и искусства. Музыка привлекает многих знакомых и их знакомых, в частности, молодых. Все они предстают перед глазами читателя со своими, ярко отмеченными, индивидуальными приметами.

Музыкальной полифонии подчинена вся структура произведения в которой сплетаются друг с другом разные темы, события, мотивы и голоса.

Изувеченная молодость

В своём романе Осоргин изобразил разные лики молодости. Среди посетителей особняка были студенты: медик Муханов, юристы Мертваго и Трынкин, но особо выделялись влюблённый в Танюшу любимец профессора, студент-естественник Вася Болтановский: энтузиаст, верующий, театрал – и самоуверенный, «неприятно умный», «расчётливый» Эрберг, который обстоятельно обдумывал свою будущую жизнь – сначала научную, затем военную карьеру. Сопоставляя жизненную установку этого героя с законами природы и «планами» ласточки, повествователь констатирует:

В планах ласточки был беспокойный, беспутный перелёт; в плане Эрберга – прочность и корень. Когда Эрберг пил чай, он ставил свой стакан на середину блюдечка верной, спокойной, красивой рукой (Осоргин 1990, 53).

Однако судьба (вернее, другие люди) распорядилась жизнью молодого человека по-своему. Эрберг не рассчитал, что погибнет на войне, причём в самом её начале. По-толстовски фиксируя последние минуты жизни, изображает Осоргин смерть молодого человека:

Он был ещё жив, неприятно умный в жизни и расчётливый человек. Но уже не был больше расчётлив и был близок к мудрости, Одним не контуженным глазом смотрел в мутное от слезы, воспалённое небо, пальцами целой руки скреб в корнях трав, Ухо его ловило стон, слышный близко, знакомый, свой; а потом стон переходил в хрип, в груди булькало и чужое тело охватывал уже не первый холод (Осоргин 1990, 71).

Подобная участь постигает и других романских персонажей: молоденького юнкера Алёшу, недавнего гимназиста, и солдата-командира – 23-летнего Андрея Колчагина, павшего рядом с Алёшей.

Но самые жестокие последствия войны выпали на долю опытного в бою Стольникова, блестящего, красивого и очень молодого офицера-поручика, который в своё время гостил в доме орнитолога и очень понравился Леночке, Танюшиной подруге. Поручик приехал в Москву прямо с фронта, куда должен вскоре вернуться.

Стольников на днях возвращался на фронт – с охотой. В Москве он был по делам, командированный по закупке лошадей. К фронту он уже привык, здесь чувствовал себя гостем. Он был артиллерист, нанюхался пороху, имел, что рассказать, сжился с батареей. Ему казалось, что жизнь там, а не здесь (Осоргин 1990, 59).

Но выходит, что этот герой тоже ошибся. Поезд, увозивший на фронт здоровых молодых солдат и привозивший в Москву раненых, однажды привёз не то что Стольникова, а «живой остаток того, кто был в прежнем мире молодым офицером Стольниковым» (Осоргин 1990, 101). Главка, повествующая об этом событии названа автором произведения – «Чудо». В категориях сверхъестественного расцениваются спасение жизни Стольникова врачи:

Старший врач сказал младшему врачу:

– Чудо, что этот ...жив. И ведь выживет!

Доктор хотел сказать «Этот человек», но не договорил: обрубок не был человеком, Обрубок был обрубком человека (Осоргин 1990, 101).

В сюрреалистическом изображении ночных кошмаров, изуродованного, лишённого рук и ног поручика, «торжествует, эстетика уродливого, и не снисходящая декадентам» – заявляет Ранчин⁷. В доказательство вышесказанного приведём начало главы *Ночи Обрубка*:

Страшнее дней были ночи Обрубка. Часто в эти кошмарные ночи, между сном и явью, мерещился ему последний бунт калек и уродов.

На низких колясочках, с деревяшкой в каждой руке, чтобы упираться о землю, – черепашьям вихрем летят обрубки войны к войне новой. А он, совершеннейший из обрубков, чудо хирургии, – чудом же мчится впереди всех

⁷ Ранчин Андрей, ук соч.

за командира. За ним слепые, скрюченные в рог, лишённые лица, глухие, немые, отравленные, сонные – взводы георгиевских уродцев.

Революция новая, небывалая, последняя: всех кто ещё здоров и цел, окорнать в уродов, всех под один уровень!. Зубами отгрызть уцелевшие руки, колесом проехать по ходящим ногам, наколоть видящие глаза, отравить дышащие лёгкие, громом протрясти мозговые коробки, Всех под одну статью!

Абзацы, следующие за вышеприведёнными, выдержаны в той же поэтике, отвечающей позиции автора, убеждённого пацифиста, который решительно отрицал террор и любую войну. Вслед за Львом Толстым, он проповедовал философию непротивления злу насилеием. Как полагает польский исследователь Антони Бортновски,

Мировые войны, революции и прежде всего гражданская война сформировали у Михаила Осоргина убеждение, что цивилизация и технический прогресс ведут человечество по пути к самоуничтожению и разрушают его гармоническую связь с окружающей природной средой (Bortnowski 2016).

Связь с природной средой сильнее других ощущают старый профессор и его молоденькая внучка – Танюша. Несмотря на многие вселяющие ужас страницы и главы романа, его окончание светлое. В последней главе, *Когда прилетят ласточки*, писатель, как и в начале романа, преклоняется перед вечными законами природы, символом которых является в произведении прилёт ласточек. В последних «аккордах» романа звучит вера в человека и культуру (Эдуард Львович исполняет своё новое произведение), а также подчёркивается важна для писателя идея преемственности поколений, выразившаяся в незатейливом образе сидящей на ковре, у ног дедушки Танюши.

ЛИТЕРАТУРА:

Абашев Владимир: *В крепости чистоты. Заметки о слове Михаила Осоргина*. Текст. Поэтика. Стиль. Екатеринбург 2003.

Borkowski Robert: *Sens historii (modele czasu historycznego)*, w: *Konflikty współczesnego świata*, pod red. R. Borkowskiego. Kraków 2001.

Bortnowski Antoni: *Историческое время в эмиграционной прозе Михаила Осоргина*, Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, wyd. I. Poznań 2016.

Жлюдина Анастасия: *Природный топос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»* http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2011/2011_1Zhlyudina.pdf

- Жлюдина Анастасия: *Топос Дома в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»*, в: *Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конференции молодых ученых*. Томск 2009. Вып. 10., т. 2: Литературоведение.
- Ковалёва Юлия: *Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»*, в: *Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции*. Волгоград 2006.
- Лобанова Галина: *«Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920-1933гг.* Уфа 2008.
- Осоргин Михаил: *Сивцев Вражек*. Роман. Повесть, Рассказы, сост., предисл. и коммент. О. Ю. Авдеевой. Москва 1990.
- Пушкин Александр: *Собрание сочинений в десяти томах, том второй. Стихотворения 1825-1836 годов*. Москва «Художественная литература» 1974.
- Ранчин Андрей: *Проза Михаила Осоргина* https://www.allsoch.ru/osorgin/sivtcev_vrazhek/